

Wheeler 1951 – Wheeler W. The Letters of Private Wheeler, 1809-1828 / ed. by L. Hart. L.: Windrush Press, 1951.

Wood 1825 – Wood G. The Subaltern Officer. A Narrative. L.: Septimus Prowett, 1825.

УДК 94(47).072.5:94(420).07

DOI 10.26170/vvi19-01-05

Код ВАК 07.00.03

*А.А. Постникова**

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 Г. И БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: «РОЖДЕНИЕ» ПАМЯТИ О ВОЙНЕ *

Автор на основе документов Национального архива Великобритании и периодической печати проанализировала истоки образа русской кампании 1812 г. в представлении британцев. В начале войны английское правительство и политическая оппозиция проявляла недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца. После того как победа России все же состоялась, британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение. Однако значительная часть политических кругов Лондона в лице парламентариев продолжала сохранять скептицизм по отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Тем самым под влиянием политической оппозиции образ русской кампании в представлении британцев стал в большей степени «профранцузским».

Ключевые слова: историческая память, имагология, наполеоновские войны, Отечественная война, русско-английские отношения, международные отношения, политическая оппозиция, политические деятели.

Алена Александровна Постникова, старший научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26.

Alena A. Postnikova, senior research associate of the Ural Federal University, associate professor of general history of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

© Постникова А. А., 2019

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

**RUSSIAN CAMPAIGN OF 1812 AND THE BRITISH SOCIETY:
“BIRTH” IN MEMORY OF WAR**

The author analyzed the role of the Britain in the Russian campaign of 1812 and the origins of the formation of British memory of this war on the basis of documents from the National Archives of Great Britain. The author tries to find the answers to the following questions. How was the British public opinion of Russian campaign of 1812 formed? What role did the state policy of the British ruling circles play in this? At the beginning of the war, the British government showed no confidence in Alexander I, being not sure of Russia's serious intentions to bring the war with France to a victorious end. After the Russian victory the British government, changed its attitude in an effort to preserve and strengthen the Russian-British alliance. However, a significant part of London's political circles continued to remain skeptical of Russia, not agreeing to the provision of any kind of assistance from Britain. Deputies persistently explained the victory of Russia as the result of the manifestation of “instinctive patriotism” and barbarism.

Keywords: Russian campaign, intercultural interaction, historical memory, imagology, Great Britain.

В январе 2015 года в Британском музее была открыта интереснейшая выставка «Бонапарт и Британия: пропаганда Наполеоновской эпохи», на которой можно было увидеть подлинные карикатуры тех далеких времен. Как, вероятно, и следовало ожидать, экспонаты убеждали посетителей в том, что именно Великобритания, и ни какая другая страна, сыграла главную роль в разгроме наполеоновской Франции. Несколько карикатур оказались посвященными русской кампании 1812 г. Наиболее примечательными из них были две. На одной из них (автор Уильям Элмс) Генерал Мороз на фоне горящей Москвы брил маленького Бони, а на другой (автор Джордж Круикшанк) суровый русский мужик учил Наполеона танцам. Подобные изображения, как полагаем, хорошо отразили стереотипы британцев в отношении войны 1812 г., когда победителями Наполеона оказывались зима и суровый народ, сам являвшийся воплощением природной стихии, но отнюдь не русская армия.

Каким образом шло формирование подобных стереотипов применительно к русской кампании 1812 г. у британцев? Какую роль в этом сыграла государственная политика британских правящих кругов? Автор статьи пытается найти ответы на эти вопросы.

Британское правительство и общественные круги, как политические, так и деловые, начиная с 1807 г. внимательно наблюдали за развитием российско-французских отношений, с нетерпением ожидая разрыва Тильзитского договора. С начала 1811 г. британский кабинет уже с нетерпением ждал момента, когда Россия начнет военные действия против Франции. В этот период британским агентом в Санкт-Петербурге был некто португальский капитан Гуердес (Guerdes), кото-

рый с весны 1811 г. отправлял в Лондон сообщения о развитии российско-французских отношений [The National Archives: FO 65/77]. В своих секретных посланиях он неоднократно отмечал нерешительность русского императора по отношению к вопросу о войне с Францией. Так, в мае 1811 г. Гуердес, пристально наблюдая за реакцией российского правительства на агрессивные действия Наполеона, написал в Лондон несколько писем. В письме от 8 мая он отмечал, что «Россия не хочет войны и будет воевать лишь тогда, когда встанет вопрос о ее существовании. Император Александр делает все возможное для сохранения союза (русско-французского – А.П.)» [Ibid.: 8 мая 1811 г.]. Через два дня, размышляя о позиции Франции, он сообщил, что Бонапарт не намерен развязывать войну с Россией. По мнению Гуердеса, нерешительность русской стороны значительно «способствует усилению Франции и приводит к увеличению ее войск на границе с Россией. И это при том что российское правительство воспринимает войну как неизбежность и осуществляет всю необходимую подготовку к обороне, но не к наступлению» [Ibid.: 10 мая 1811 г.]. По мысли португальского капитана, подобная нерешительная позиция характерна только для российского императора, в то время как двор настроен более решительно и в особенности возмущен оккупацией Ольденбурга Францией [Ibid.: 13 мая 1811 г.].

В последующих письмах в Лондон Гуердес высказал предположение о том, что, возможно, позиция Александра I изменится после подписания мира с Турцией [Ibid.: 18 декабря 1811 г.]. Однако в мае 1812 г., когда согласие с Турцией было достигнуто, Гуердес вновь выразил возмущение нерешительностью русских в ситуации, когда «со стороны Франции война уже очевидна» [Ibid.: 13 мая 1811 г.].

С началом войны между Россией и Францией в английской периодической печати стали активно публиковаться как русские, так и французские сообщения о ходе действий, создавая видимость того, что Великобритания является только сторонним наблюдателем и никакой роли в событиях в далекой России не играет. Однако в действительности Лондон все же с нетерпением ожидал первых результатов боевых столкновений. 7 июля Гуердес сообщил из Санкт-Петербурга, что, согласно «рапортам, которые мне были представлены, Бонапарт, к счастью, вынужден был отказаться от своих первоначальных целей молниеносного разгрома русских сил» [Ibid.: 7 июля 1812 г.].

Сомнение по поводу способности русских победить Наполеона продолжали одолевать англичан и после подписания договора в Эребро¹¹, который не обязывал Лондон проявлять активную позицию в

¹¹ Два идентичных по тексту мирных договора между Великобританией и Россией и между Великобританией и Швецией, завершившие англо-русскую и англо-шведскую войны и заключающие союзы, направленные против наполеоновской Франции. Оба договора были подписаны 6 (18) июля 1812 года в шведском городе Эребру.

ходе и по отношению к войне, идущей в России. Английское правительство только заявило, что поможет России поставками оружия и отправит в Санкт-Петербург в качестве чрезвычайного и полномочного посла лорда Дж. Каткарта¹².

Пассивная позиция Лондона по отношению к русско-французской войне во многом была предопределена не мнением принца-регента Георга и министров, но позицией политических кругов Великобритании. 21 июля, после подписания русско-английского договора, депутаты парламента обсуждали вопрос о войне между Россией и Францией. Дебаты открыл министр иностранных дел Р.Б. Каслри. Он акцентировал внимание на том, что Великобритания в данной ситуации выступает мировым арбитром и стремится к достижению мира в Европе [The Parliamentary Debates 1812: 1139]. В соответствии с этой позицией Каслри попытался убедить депутатов в том, что основная причина войны – это агрессивные действия Франции.

После выступления Каслри начались «жаркие» дебаты по поводу причин войны. Большинство депутатов выразило сомнение в том, что Англия действительно владеет всей необходимой информацией о начале войны. Поэтому депутаты выразили желание, чтобы Великобритания не спешила с оказанием помощи России и тем более не принимала участия в военных действиях. Так, член палаты общин А. Хатчинсон после заявил, что отправка британских войск в Россию «ухудшило бы наше положение» [Ibid.: 1141]. Он высказал мысль, что «Россия вообще не имела права требовать от Франции освобождения каких-либо территорий» [Ibid.: 1142]¹³, представив тем самым императора Александра I в качестве агрессора. Часть депутатов поддержала эту мысль, выразив сомнения по поводу искренности русского императора в отношении Великобритании и отметила, что Россия уже однажды предала интересы англичан, подписав Тильзитский мир.

Каслри был вынужден выразить солидарность с депутатами, заявив, что правительство Великобритании всегда осторожно относилось к России. Он сообщил, что британский кабинет дал знать России о невозможности оказать ей помощь, так как она сама решила на войну [Ibid.: 1147]. Дж. Каннинг, ранее занимавший пост министра иностранных дел, подводя итоги данного обсуждения, высказал желание, чтобы правительство не отходило от принципов британской внешней политики и служило европейским интересам, а не желаниям отдельной страны.

¹² Дж. Каткарт привез с собой в Россию 500 тыс. ф.ст. Однако российское правительство так и не запросило этой суммы в течение 1812 г. Как отмечает российский историк А.А. Орлов, «равнодушные Александра к британским деньгам поразило Каткарта...» [Орлов 2005: 216].

¹³ Речь шла о требовании России вывести наполеоновские войска с территории Пруссии и эвакуировать ряд крепостей.

В результате дебатов, прошедших в парламенте 24 июля 1812 г., Каслри пишет Каткарту письмо, в котором старается убедить его в необходимости дать понять русскому двору, что Великобритания не может оказать существенную помощь России в этой войне. Обратившись к проблеме «голландского долга» России, Каслри написал, что Великобритания сможет в ближайшей перспективе частично этот долг покрыть, выплатив 4,5 млн ф. ст. Однако в ближайшее время, по словам министра, английский парламент не одобрит эти выплаты: «Вы должны показать российскому двору, что английское правительство совершенно не имеет возможности обратиться к парламенту с просьбой оказания денежной помощи (России – А.П.), так как война (России – А.П.) с Францией только началась, и Британии, возможно, еще придется понести расходы» [The National Archives. FO 95/ 229: 24 июля 1812 г.]. В сущности, Каслри попытался донести до Петербурга мысль о том, что вопрос о денежных выплатах британский кабинет поставит перед парламентом только после завершения кампании победой русской армии.

В том же письме Каслри выразил сомнения в решимости России вести войну с Францией до победного конца: «Если граф Румянцев обратит внимание на задержку, которая имела место в отношении отправки Вашей Светлости в Санкт-Петербург, Вы напомним ему, что Россия согласилась подписать договор с Великобританией только в ситуации войны с Францией. В связи с этим у английского правительства есть все основания на данном этапе не доверять России» [Ibidem]. Это послание было получено Каткартом 5 августа 1812 г. В тот же день британский посол подтвердил в письме Каслри, что будет следовать обозначенным инструкциям [Ibid.: 5 августа 1812 г.]. Таким образом, факт того, что Россия решила на сближение с Великобританией только под угрозой и в состоянии войны с Францией стал главным аргументом английского правительства, оправдывающим его пассивную позицию.

Вместе с тем Лондон не мог не осознавать, что для координации совместных действий против французов неразумно было бы полностью отказаться от предоставления какой-либо союзнической помощи. 30 августа Каслри написал Каткарту, что британское правительство решило оказать помощь России, отправив ей оружие: «Милорд, Ваша Светлость обозначили необходимость оказания экстренной помощи российскому правительству в деле снабжения армии. Я распорядился об отправке в Россию 50 тыс. ружей» [Ibid.: 30 августа 1812 г.]. Помимо этого, Каслри начал дипломатическую переписку с австрийским правительством, чтобы выяснить его настроения по поводу войны с Россией. 4 сентября Каслри сообщил Каткарту о первых итогах переговоров с министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом, отметив, что австрийский двор поддерживает англичан в их стремлении восстановить независимость европейских государств. Однако, по словам Каслри, Австрия не намерена на данном этапе осложнять отноше-

ния с Парижем из-за возникших между Францией и Россией серьезных противоречий: «Я полагаю, что граф Меттерних в большей степени недоволен поведением России (чем действиями Франции – А.П.) и ее вмешательством в дела Австрии и Пруссии» [Ibid.: 4 сентября 1812 г.].

Таким образом, британское правительство к началу сентября, находясь в «ловушке» обстоятельств, было вынуждено вести себя по отношению к России очень осторожно. Это было предопределено, с одной стороны, сомнениями парламента по поводу прочности русско-английского союза, а, с другой стороны, профранцузской, в целом, позицией Австрии в отношении России.

Учитывая данное обстоятельство, Лондон не стремился к тому, чтобы афишировать свою поддержку России. Так, британский дипломат Э. Тортон в письме от 4 сентября 1812 г. убеждал Каткарта в том, что английское общество не должно знать о действиях британского правительства в отношении России: «...общественное мнение не должно считать, что принц-регент ввязался в войну на континенте против французской армии. Россия, возможно, тоже не планирует жертвовать своими силами... Хотя у нашего двора и есть надежда, что русские силы окажутся пригодными для ведения войны» [Ibid. FO 65/78: 4 сентября 1812 г.].

Несмотря на сомнения в способностях русской армии успешно вести военные действия, ключевые британские политики пытались преодолеть стереотипные представления, господствовавшие тогда в Лондоне.

Так, 9 сентября Каткарт на основе сообщения генерала Р.Т. Вильсона написал в Лондон о сражении в Смоленске. Он, стремясь убедить английских министров в способности России победить Наполеона, обратил внимание на то, что, несмотря на отступление русской армии, солдаты императора Александра проявляют редкую храбрость. Каткарт, ссылаясь в своем письме на мнение Вильсона, главным виновником в тактике отступления назвал главнокомандующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли и выразил надежду, что назначение главнокомандующим объединенными армиями М.И. Кутузова приведет к изменению в действиях русских войск.

В следующем письме от 13 сентября в Лондон Каткарт с радостью сообщил о победе русских при Бородине: «Его Императорское Величество победил в самом масштабном действе этой кампании» [Ibid. FO 95/228: 13 сентября 1812 г.]. Получив это сообщение 7 октября одновременно с бюллетенями Великой армии, где говорилось о победе Наполеона в этом сражении и его вхождении в Москву, Каслри был в недоумении. Поэтому в письме Каткарту от 10 октября он потребовал разъяснить это противоречие: «Милорд, я получил ваши письма от 12 и 18 сентября о сражении на Бородино, которое, по Вашим словам, завершилось великой победой русской армии. В то же

время выясняется, что Бонапарт смог войти в Москву. Невозможно соединить два этих факта. Я не сомневаюсь относительно Вашей преданности и думаю, что Ваша Светлость разъяснит подобное противоречие. На данный момент меня тревожат сомнения по поводу устойчивости нашего положения. В соответствии с 19-м бюллетенем французской армии мы остаемся в тяжелой ситуации, так как русская армия продолжает отступление» [Ibid. FO 95/229: 10 октября 1812 г.].

Оккупация Наполеоном Москвы вызвала еще большее недоверие к русскому императору со стороны английских правящих кругов. Каслри сообщил Каткарту, что принц-регент, узнав о вхождении Великой армии в Москву,отреагировал довольно агрессивно по отношению к России, заявив, что после подобного события «ресурсы Великобритании не могут быть использованы в целях оказания помощи армии Его Императорского Величества. Россия должна обходиться исключительно силами своей армии» [Ibid.: 17 октября 1812 г.].

Каткарт в последующих письмах попытался реабилитировать авторитет императора Александра I в глазах британского кабинета. 22 сентября он объяснил Каслри, что оставление Москвы в данных обстоятельствах является разумным стратегическим маневром русской армии. Каткарт пояснил, что поджег город сам народ, благодаря чему армия Наполеона в Москве претерпевает серьезные трудности. Получив это письмо, Каслри ответил на него 20 октября, настаивая на том, что принц-регент под влиянием подобного объяснения не изменит своей позиции [Ibid.: 22 сентября 1812 г.]. Министр отметил, что факт сожжения Москвы не может рассматриваться как пример военных успехов России: «Когда национальное бедствие настолько масштабно, как оккупация врагом древней столицы в сердце Империи, правительству остается уповать только на мужество и героизм своего народа» [Ibidem].

Оккупация Наполеоном Москвы возмутила не только британское правительство, но и английскую общественность. Несмотря на то, что официальные круги не давали повода для заявлений о совместных действиях Великобритании и России против Франции, все же оппозиционные политические круги воспользовались фактом неудач русской армии для критики правительства. В частности, публицист и историк У. Коббет в своем журнале «Политикал Регистер» на основе анализа бюллетеней Великой армии подверг сомнению ту информацию, которую представляли официальные газеты в отношении хода русской кампании: «Наполеон уже в Москве, и все же нам постоянно напоминают о храбрости и патриотизме русских. Разве они оставили неприятелю древнюю столицу из чувства патриотизма?» [Political Register 1812].

Коббет обратился к отзывам на известия о Бородинском сражении, обратив внимание на некое противоречие между опубликованным в газетах донесением Каткарта, сообщавшем в победе русских, и бюллетенем Великой армии, в котором говорилось о победе французов. Пуб-

ликации, подобные тем, которые делал Коббет, конечно же ослабляли веру английского общественного мнения в успех русского оружия.

Между тем, Каткарт ненавязчиво продолжал пытаться убеждать в своих письмах английское правительство в том, что русский император уверен в благоприятном для русских исходе войны, и что он заинтересован в сотрудничестве с Лондоном. В этом ключе Каткарт и описал Каслри 30 сентября две примечательные беседы с Александром I. В ходе них русский император убеждал Каткарта в том, что потеря Москвы не является важным событием стратегического характера, так как главная задача заключается в сохранении Санкт-Петербурга, которому опасность не угрожает [The National Archives. FO 95/228: 30 сентября 1812 г.].

В целях укрепления русско-английских отношений и в плане подтверждения готовности вести войну до победного конца Александр I отправляет в Лондон в качестве посла Х.В. Ливена, дав ему следующие устные инструкции: «Эти решения остаются постоянно неизменными, и именно в то время, когда Наполеон находится в моем кабинете в Кремле, я посылаю вас в Лондон, чтобы выразить твердую уверенность, что я не заключу мира до тех пор, пока враг не будет изгнан из пределов нашей страны. ...Но я прошу у него всего лишь военное снаряжение и оружие» [Документы внешней политики России: 778]. Александр I стремился убедить Лондон в том, что Россия готова идти на решение общеевропейских проблем совместно с британцами и ждет от них помощи только в виде военного снаряжения.

В свою очередь, английское правительство, осознавая, что Александр I вынужден сейчас искать компромиссы, стремилось этим воспользоваться для решения собственных проблем. В этом плане, возможно, что постоянное напоминание о неудачах русской армии в сообщениях министерства иностранных дел Великобритании служило весомым аргументом в плане того, чтобы склонить Россию к решению вопросов экономического характера к выгоде Великобритании. Лондон, начиная с начала сентября 1812 г., неоднократно настаивал на том, чтобы восстановить торговые отношения между странами, существовавшие до 1807 г., без учета русского таможенного тарифа от 19 декабря 1810 г.

Уже после того как отгремели орудия на Бородинском поле Каткарт во время встречи с министром иностранных дел графом Н.П. Румянцевым поднял этот вопрос [The National Archives. FO 95/228: 16 сентября 1812 г.]. По словам Каткарта, Румянцева достаточно скептически отреагировал на подобное предложение и начал приводить массу аргументов, убеждая собеседника в том, что Петербург не может повлиять на стихийный характер проблем экономического характера. Получив сообщение об этой встрече, Каслри решительно заявил, что «Великобритания требует сделать все возможное, чтобы восстановить торговое законодательство в соответствии с ее интересами» [Ibid. FO 95/229: 20

октября 1812 г.]. В своих письмах Каслри неоднократно возвращался к этой проблеме. С конца ноября, когда победа России в войне была уже очевидной, он все более настойчиво начал требовать решения вопроса о восстановлении российско-британских торговых отношений. Так, 26 ноября он отправляет Каткарту следующие инструкции: «Я надеюсь, что правительство России в ближайшее время осознает целесообразность восстановления торговых отношений. Я предполагаю, что лучшее средство осуществления этой прекрасной идеи – восстановить торговый договор 1807 г.» [Ibid.: 26 ноября 1812 г.]. Тем самым, английское правительство, занимая пассивную позицию в отношении войны, которую вела Россия, вместе с тем с нетерпением ожидало от русских уступок в области экономических соглашений.

Как представляется, российское правительство не стремилось идти на безоговорочное удовлетворение требований англичан, ожидая от них более активных действий. И все же в начале октября Александр I вновь продемонстрировал пример союзнической помощи, подняв вопрос об отправке в Британию двух эскадр Балтийского флота. 3 октября Каткарт написал Каслри о том, что общался с министром военно-морского флота по поводу отправки русских кораблей в Великобританию. Каткарт с возмущением сообщил, что министр интересовался, будут ли британцы платить русским за службу. На этот вопрос он ответил, что хотя правительство России проявляет в этом вопросе заинтересованность, Великобритания не предполагала и не предполагает давать каких-либо денежных обязательств [Ibid. FO 65/80: 3 октября 1812 г.]. В этот же день Каткарт уведомил русского императора о поставках британского оружия. «Русский император выразил свою благодарность за эту важную услугу», – отметил он в письме в Лондон [Ibid. FO 95/228: 3 октября 1812 г.].

В своих посланиях, начиная с середины октября, Каткарт сообщает о множестве проблем, в которыми столкнулся Наполеона в период отступления, и убеждает Лондон в скорой победе русских [Ibid. FO 65/80: 16 по 24 октября 1812 г.]. Убедившись в положительном для России исходе войны, Каткарт и Каслри вновь предпринимают действия, дабы расстроить союзнические отношения Франции с другими государствами. 30 октября Каткарт информировал Каслри о результатах своей переписки с Пруссией: «Я представил правительству Пруссии достаточные доводы в пользу необходимости проявить независимость по отношению к Франции, руководствуясь не только общими интересами, но также и стремлением освободиться от влияния со стороны той силы, которая может стремиться к уничтожению [в Пруссии] правящей династии. Я надеюсь, что правительство Пруссии осознает этот момент» [Ibid.: 30 октября 1812 г.].

В письмах начала ноября Каткарт выражал восхищение патриотизмом русского народа, благодаря которому удалось одержать победу

над Наполеоном. В послании от 11 ноября Каткарт так описал Каслри положение, в котором оказалась Великая армия в период отступления к Смоленску: «Вся дорога покрыта обозами, лошадьми, телами солдат» [Ibid.: 11 ноября 1812 г.]. Он отметил, что Кутузов, оттеснив Наполеона при Малоярославце, смог прикрыть Калугу и заставить французов идти по разоренной дороге. В заключении Каткарт отметил: «События явили патриотизм народа Российской империи». В то же время, основываясь на сообщениях Вильсона, Каткарт неоднократно докладывал о варварском поведении французов. 25 ноября, к примеру, он сообщил о бесчинствах наполеоновских солдат в Смоленске: «Французы с обычной жестокостью и безрассудностью осквернили древний собор в Смоленске» [Ibid.: 25 ноября 1812 г.].

Каслри, получая письма, свидетельствующие о неудачах Наполеона, наконец решил выразить благодарность России через русского посла П.А. Николаи. 12 ноября он пригласил Николаи в свою личную резиденцию, «зачитав [там] последние письма милорда Каткарта, относящиеся к военным событиям и с благородной правдивостью повествующие о великом подвиге, свидетелем которого имеет счастье быть этот посол, совершенном народом в борьбе против самого жестокого врага, когда-либо осквернявшего землю» [Документы внешней политики России: 599]. Во время этой беседы Николаи поднял вопрос об оказании Англией денежной помощи России. Однако, как отметил Николаи в своем сообщении в Петербург, министр уклончиво дал понять, что по этому вопросу русскому правительству не на что надеяться [Там же].

23 ноября Каткарт сообщил в Лондон, что Наполеона в России ожидает окончательное поражение [The National Archives. FO 65/80: 23 ноября 1812 г.]. Однако 30 ноября, получив информацию о том, что французский император преодолел р. Березину, он с недоумением написал в Лондон: «Витгенштейн и Чичагов должны были незамедлительно атаковать силы Бонапарта при переправе через Березину, но адмирал не вступил в сражение» [Ibid.: 30 ноября 1812 г.]. Каткарт сообщил, что в соответствии с донесениями генерала П.Х. Витгенштейна, адмирал П.В. Чичагов стоял поблизости, но не вступил в сражение. Каткарт выразил недоумение в отношении того, что русские дали Наполеону спокойно пересечь Березину с незначительными потерями: «В настоящий момент я не имею никаких объяснений на тот счет, почему неприятелю позволили беспрепятственно расположиться на высотах Березины и перейти с незначительными трудностями на правый берег, в то время как адмирал находился между Борисовым и Минском» [Ibidem]. Только 12 декабря Каткарт смог с определенностью заявить о победе русских и разгроме армии Наполеона [Ibid. FO 65/90: 12 декабря 1812 г.]. Те же письма, в которых посол выражал сомнения в успехе русских, дойдут до Лондона только 6 декабря, когда вопрос о создании антифранцузской коалиции стоял уже на повестке дня.

Под воздействием сообщений об успехах русской армии позиция британского кабинета в отношении России кардинально изменилась. Однако многие политики все еще продолжали находиться под властью сомнений по поводу исхода русской кампании. Это явственно проявилось в ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте 30 ноября. Сессия парламента открылась с дискуссии в палате общин вокруг послания принца-регента, в котором Георг отметил военные успехи сил, борющихся с Наполеоном в Испании и в России. Рассуждая о причинах победы русских, он не связывал эти успехи с действиями русской армии, а лишь уклончиво сослался на слова великого полководца древности: «Александр Великий под воздействием некоторых обстоятельств охарактеризовал предков русских как грабителей и варваров, обладавших храбростью дикарей во время борьбы с теми, кто к ним вторгся» [The Parliamentary Debates: 52].

Дискуссию открыл член парламента Харт Дэвис. Он высказал слова благодарности русскому народу за его подвиги. Однако большинство членов парламента не поддержало выступающего. Основная часть депутатов была склонна объяснять успехи России исключительно «варварским» патриотизмом. От лица скептически настроенных депутатов выступил Каннинг, который произнес следующее: «...захватчик, вторгшийся в Россию, польстил этой стране, считая ее жителей цивилизованными. Как благородный адресант (принц-регент – А.П.) справедливо заметил, страна, по отношению к которой он употребил слово варварство, и которая находится в состоянии рабства, не могла вдохновиться на борьбу благородным патриотическим чувством. Это скорее пример инстинктивного патриотизма... это не война народа, это война правительства» [Ibid.: 64]. По всей видимости, в своем стремлении принизить успехи России часть членов парламента преследовала цель отказать кабинету в реализации планов помощи русским. Так, Каннинг заявил, что британское правительство должно обратиться к императору Александру со следующими словами: «Если Вы ввязались в войну с Францией, преследуя свои интересы, мы будем помогать Вам, насколько позволяют наши ресурсы; но эта помощь не будет ориентирована на реализацию целей вашей политики, так как наши основные интересы связаны с Испанией» [Ibid.: 66].

Каслри выразил согласие со словами Каннинга, заявив, что, действительно, Англия не должна оказывать помощь России в ущерб испанским делам [Ibid.: 83]. Вместе с тем он акцентировал внимание на том, что император России, будучи человеком благородным, не обращался за денежной помощью. Министр счел также необходимым возразить на заявления о варварстве русских, отметив, что только народ, обладающий «героической доблестью и благородством», мог достичь таких значимых результатов [Ibid.: 89]. Это встретило возражение со стороны депутата Витбрета, который поставил под сомнение

благородство того народа и той власти, которые оказались способны сжечь Москву, подвергнув собственных жителей великой опасности [Ibid.: 94]. Разгоревшуюся дискуссию остановил Понсонби, который заявил, что бессмысленно обсуждать проблемы варварства или цивилизованности России, и что просто нужно признать факт достойного поведения русского народа [Ibid.: 110].

Несмотря на скептическое отношение, проявившееся в британских политических кругах по отношению к военным успехам России, английская общественность встретила эти успехи в целом восторженно. Ливен писал канцлеру Н.П. Румянцеву: «22 ноября были получены письма от Каткарта. Впервые успехи союзной державы отмечались здесь столь торжественно, все население Лондона приняло эти известия с восторгом, и радостное волнение охватило представителей всех классов. Он узнал из дневных газет, что принц-регент направил послание парламенту» [Документы внешней политики России: 626]. Ни русский посол, ни Каслри не сочли нужным информировать Петербург о ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте, создав у российского правительства впечатление, будто весь Лондон охвачен восторгом по поводу успехов русской армии.

15 декабря Каслри направил письмо Каткарту, в котором радостно сообщал, что результаты войны имели следствием существенный дипломатический успех, так как Австрия и Пруссия изменили свою позицию в отношении Франции [The National Archives. FO 65/78: 15 декабря 1812 г.]. Министр отметил, что в своем недавнем письме граф Меттерних заявил, что «вне границ России не будет поддерживать Бонапарта». Однако Каслри выразил сомнение в том, что Австрия предъявит ультиматум Бонапарту и начнет против него военные действия: «Необходимо готовиться к значительным трудностям в том, чтобы убедить Австрию, будто свобода Германии в данный момент полностью зависит от ее решения». В качестве главной причины этих трудностей Каслри отметил серьезные противоречия, существующие между Россией и Австрией.

Учитывая факт победы русского оружия и будучи заинтересованным в продолжении Россией войны против Наполеона, британское правительство стало демонстративно проявлять солидарность с русскими. 17 декабря Каслри сообщил Каткарту, что, учитывая все обстоятельства успехов русской армии, принц-регент направил послание парламенту с просьбой одобрить оказание России денежной помощи: «Патриотические усилия, которые были проявлены жителями России, их жертвы, их страдания от варварских разрушительных действий неприятеля, вызвали у британской нации чувства сострадания» [Ibid. FO 95/229: 17 декабря 1812 г.].

В тот же день состоялось обсуждение вопроса о финансовой поддержке России в парламенте. Принц-регент направил послание

обеим палатам, в котором просил одобрить финансовую помощь России, аргументируя это тем, что народ этой страны понес значительные убытки от французской агрессии [The Parliamentary Debates: 316]. Однако, несмотря на просьбу принца-регента, общее настроение депутатов парламента было не на стороне России. Речь лорда Холланда продемонстрировала, что парламента не намерен одобрять подобные устремления кабинета. Хотя он выразил восхищение патриотизмом русского народа, однако задался вопросом: «Почему необходимо 200 тыс. фунтов отдавать России на войну, в которую она сама ввязалась, а не предоставить эти деньги Испании?» [Ibid.: 331]. Каслри, пытаясь убедить депутатов парламента, пояснил, что эта денежная помощь обеспечит участие России в дальнейшей борьбе против Наполеона [Ibid.: 332]. После его выступления несколько депутатов выразили возмущение тем, что британское правительство собирается забрать эти деньги у собственного народа [Ibid.: 334].

Британское правительство сделало все возможное, чтобы мнение парламента никоим образом не повлияло на развитие российско-английских отношений. Этим объясняется то, что из Лондона в Санкт-Петербург направлялась информация исключительно о положительных отзывах британцев по поводу победы русских в войне с Наполеоном. Так, Ливен, к примеру, в письме к Румянцеву от 15 декабря отмечал «энтузиазм, который выражает английский народ по отношению к нашему народу и нашему августейшему монарху» [Документы внешней политики России: 616]. 31 декабря в лондонской газете были опубликованы итоги русской кампании 1812 г., свидетельствующие о разгроме Наполеона. Пресса особо отмечала победу русской армии в сражении на Березине.

Таким образом, представления Лондона о русской кампании 1812 г. трансформировались под влиянием результатов военных действий. В начале войны британское правительство проявляло недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца. При этом британскому кабинету приходилось действовать осторожно в связи со скептическим отношением к России со стороны парламента. Все это предопределило относительно пассивную позицию Британии по отношению к тому, что происходило на российском театре военных действий. После того как победа России все же состоялась, британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение. Однако значительная часть политических кругов Лондона в лице парламентариев продолжала сохранять скептицизм по отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Именно подобные представления, но не сообщения Каткарта

и Вильсона о военных победах русской армии, стали основой для формирования «британского» образа русской кампании. Основными факторами победы России в представлении британцев стали не военные успехи, а «мороз» и «русский мужик».

Список источников и литературы

- Документы внешней политики России** – Документы внешней политики России. М., 1962. Т. 6.
- Орлов 2005** – Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005.
- The National Archives** – The National Archives (NA). FO 65/77; 65/78; 65/80; 65/90; 95/228; 95/ 229.
- The Parliamentary Debates** – The Parliamentary Debates. L., 1812. Vol. XXIII – XXIV.
- Political Register** – Political Register. L., 1812.

References

- Dokumenty vneshnej politiki Rossii** – Dokumenty vneshnej politiki Rossii. Moskva, 1962. T. 6.
- Orlov 2005** – Orlov A. A. Soyuz Peterburga i Londona. Moskva, 2005.
- The National Archives** – The National Archives (NA). FO 65/77; 65/78; 65/80; 65/90; 95/228; 95/ 229.
- The Parliamentary Debates** – The Parliamentary Debates. London, 1812. Vol. XXIII – XXIV.
- Political Register** – Political Register. London, 1812.

УДК 97(73)"1812"

DOI 10.26170/vvi19-01-06

Код ВАК 07.00.09, 07.00.03

*В. А. Шихов**

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА 1812-1815 ГГ.

Шихов Владимир Анатольевич, аспирант института общественных наук Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; учитель истории и обществознания в МОУ Гимназия (г. Нижняя Салда).

Shikhov Vladimir Anatolievich, postgraduate student of the historical faculty of the Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; Teacher of History and Social Science of Gimnasium, Nizhnyaya Salda, Russia.

Телефон/Phone 89193916894. E-mail: shihoff2013@yandex.ru

© Шихов В. А., 2019